

Воспоминания об отце. Зимнее утро

От редакции

Автор публикуемых воспоминаний, сын просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева Алексей Иванович Яковлев (1878 - 1951 гг.) — один из видных историков, чье имя составляет славу советской исторической науки. Первый из чувашей, удостоенный после революции избрания в Академию наук СССР, до самой смерти (30 июля 1951 г.) был тесно связан с Чувашией.

А. И. Яковлев - автор блестящих трудов по истории просвещения чувашского народа, целого ряда статей о преподавании родного и русского языков, рецензент и редактор педагогических и методических трудов многих чувашских ученых. После реорганизации Чувашской учительской школы в Симбирске в Чувашский институт народного образования, его первый руководитель и профессор.

Публикуемые воспоминания А. И. Яковлева - это живые свидетельства бурной и неутомимой деятельности И. Я. Яковлева, организатора и вдохновителя чувашского просвещения. Ценны его впечатления о режиме и быте Чувашской учительской школы. Нельзя не обратить внимания на отдельные детали и факты, раскрывающие могучий и требовательный, в то же время нежный и в высшей степени деликатный характер И. Я. Яковлева.

А. И. Яковлев с гимназических лет был непосредственным участником многих исторических начинаний своего отца. Ценность его воспоминаний и в том, что в их основу положена достоверность, которую историк ставил превыше всего в жизни и науке. Именно научная достоверность сделала популярными его воспоминания «Четыре встречи с В. И. Лениным», переиздававшиеся десятки раз. Из воспоминаний можно уяснить истоки зарождения идейной общности отца и сына, позволяющие рассматривать их содружество, длившееся свыше тридцати лет, как образец преемственности

поколений, как исторический факт поучительного решения проблемы «отцов и детей». Вот почему А. И. Яковлев настолько квалифицированно, глубоко и интересно мог рассказывать о своем отце, и тем самым многократно привлекал внимание к его деятельности В. И. Ленина, его сестер и брата, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, М. Н. Покровского, а позднее - президента Академии наук СССР С. И. Вавилова, главного редактора БСЭ проф. Ф. М. Петрова, генерал-полковника А. Н. Боголюбова, академика В. П. Филатова и др.

Воспоминания А. И. Яковлева к печати подготовлены его дочерью О. А. Яковлевой. Составленные ею же текстуальные примечания даются постранично под звездочкой. Примечания по содержанию, написанные в основном А. В. Изоркиным, с использованием некоторых примечаний О. А. Яковлевой (они оговорены), помещаются в конце статьи. Заголовок «Воспоминания об отце» принадлежит редакции.

*Г. Н. Волков,
профессор Чувашского государственного
педагогического института имени И. Я. Яковлева.*

Зимнее утро

Тени (от освещенных окон) по двору. Звонки. Темные фигурки, выносящие кровати. Топот ног по тротуару около дома. За стеной пение молитвы и гул голосов поднимающейся женской школы. В столовой Дедушка*, 1—2 учителя и человека 3—4 чувашей в лаптях и нагольных рваных полушубках, из почтения оставивших лохматые шапки в передней на полу. Дедушка за самоваром и сам наливает гостям жиденский чай. Один уже положил стакан на бок - знак, что он кончил чаепитие, два других еще льют. В корзине - нарезанный ломтями каравай белого калача. Но деревенские гости совестятся трогать это лакомство, и нужно, чтобы Дедушка сам положил каждому по куску. Едят осторожно и неторопливо.

* «Дедушкой» А. И. Яковлев называет своего отца — И. Я. Яковлева.

Разговор идет о покупке земли на общество. Дело тянется уже третий год и разбирается десятком голосов, не желающих выгодной для села покупки. Дедушка терпеливо следит за делом, пользуясь каждым случаем, чтобы втолковать, как выгодна эта покупка для села и как жалко будет упустить ее. Сегодняшние посетители сообщают, что оппозиция покупке слабеет, что не нынче-завтра достигнуто будет необходимое единогласие. Весь разговор идет, конечно, по-чувашски. «Тавта пу » - «Спасибо», - кончают они чаепитие, встают, крестятся и, довольные приемом, уходят, тщательно сложив обкусанные и обмусоленные кусочки сахара обратно в сахарницу, из которой их с гневом мы будем вылавливать позднее. Иногда разговор этот приобретает и более яркий характер: из крестьянских разговоров узнаются интриги местных врагов чувашского просвещения, проделки земского начальника или инспектора училищ, ведущего враждебную линию. Чаше - задача в том, чтобы через этих посетителей продвинуть школьное же дело. Иной раз, чтобы получить поддержку общества для открытия училища, с ним надо вести разговоры лет по 5—6. Казалось^{*}, доверие завоевано, Ивана Яковлевича все они знают и на него полагаются, ан нет! Согласия на нарезку земли и на общественную повинность по возке леса для постройки общество все не дает и не дает. Между тем возможность открыть школу может и уйти, т. к. есть конкуренты, претендующие на тот же земский или министерский фонд. Дедушка всегда держится принципа никогда не навязывать ни школы, ни церкви силком, а всегда терпеливо дожидается, пока дело^{**} не назреет там на месте и пока сам народ не придет к единодушному согласию действовать в желательном направлении. Долголетний опыт убедил его, что лучше терпеливо переждать, чем неосторожным нажимом испортить дело. В случаях особой остроты положения он сам едет на место, за 60 - 80 верст, и, собрав сход, ведет на родном языке обстоятельный и терпеливый разговор,

* В конце страницы сделана приписка: «Случаи этих покупок земли для кр.».

** Было написано «вопрос», но зачеркнуто и сверху написано «дело».

без вспышек, выкриков, угроз или перекоров. Нередко бывает, что его выступление оказывается решающим.

Но вернемся к зимнему утру. Чуваши ушли довольные и обласканные приемом, оставив после себя запах мокрых онучей и овчин. Их местопребывание - казенная кухня, в которой они непринужденно переночевали прямо на асфальтированном полу, положив себе под головы мешки. Их клячонки стоят на школьном дворе и жуют сено, наложенные в сани. Промеж их разговор - кто важнее: Иван Яковлевич или исправник, - решаемый по-разному. Эти разговоры драгоценны: они вводят в самое нутро отношений на местах и открывают сразу многое, до чего официальным путем никак не доберешься. Вопросы, которые при этом всплывают, очень разнообразны: так заблаговременно узнается угроза новых отпадений в магометанство, когда такие утренние посетители рассказали, что в Спущеве* уже начали «пояса развязывать» - признак отатаривания. Или привозят сведения о начавшихся неладах между учителем и священником и т. д.

Все еще темно, хотя прозвучал уже звонок к завтраку, и сотни лапоток и сапог протопали под окном, бегом направляясь в столовую при кухне внизу, в которой в больших мисках на 4—6 человек дымится горячая каша с гусаком (ливером). За чуваши ушли и учителя, приходившие за какими-то указаниями по школьным делам. Начались посещения мимолетные: пришел эконом, чтобы сообщить, что привезли дрова и надо начинать кладку, пришел писарь с бумагами для подписи, заезжая учительница. Но вот рассвело. 8 часов, и прозвучал сигнальный звонок в классы. Двор, на котором только еще возилось несколько фигур, опрокидывавших друг друга в снег, опустел, по протоптанным наискось по снежному полю дорожкам потянулись фигуры преподавателей, шедших на уроки. Дедушка надевает свои глубокие галоши, в которых он всегда ходит, шубу и спускается на 3-й, нижний, двор, где он в старшем классе дает уроки логики, его излюбленный предмет, которым он занят десятки лет, занимаясь по учебнику Струве и

* Можно прочесть и как «Сцусеве».

Владиславлева¹. Изучению логики он придает такое значение, что иногда, в летние месяцы, для особенно ** ...

Сад, занесенный сугробами, деревья в инее, хрустящий под ногами снег. Вечером заседание архивной комиссии ***, которой Дедушка дорожил по социально-политическим причинам. Обстоятельство хорошего крестьянского хозяина. Всегда на обходе исправно одет. Вот стариком медленно идет в гору, останавливаясь на ступеньках тротуара. Когда-то его могучая грудь не знала, что такое подъем. «Нехорошая, Леля, вещь — старость, да если еще прибавить бедность».

Winter ****

Зимний вечер. Вспоминаю счастливое время 1905 — 1915 гг., когда около Дедушки было несколько дружески и преданно расположенных семейств — Т. и С.² особенно, в которых в каждой было по певице; Часто, бывало, обе эти семьи встречаются в ярко освещенной столовой.

После чая начинает греметь старый Рениш (?) ***** а контраalto и сопрано наполняют комнаты звуками прекрасных свежих голосов. Или другое. Тишина. Дома только свои.

Дедушка и Бабушка* играют в дурачки, причем Дедушка невинно плузует, пытаясь незаконно утянуть себе козыря, в чем при общем смехе и уличается. «Хорошо живем», — с добрым, ласковым смехом говорит Дедушка, выпуская незаконно захваченного козыря.

Но вот и ночь Дедушка сам идет со свечкой проверить, хорошо ли** заперта дверь, не забыли ли заложить крючок, хотя случая, кажется, не было,

** Текст здесь оборван, следующие две страницы рукописи не сохранились.

*** На полях приписано. «Учен.», т. к. называлось: «Ученая архивная комиссия»

**** Winter (англ.) — зима

***** Название музыкальной фирмы указано неразборчиво.

* Т. е. мать, Е. А. Яковлева.

** На левых полях этой страницы А. И. Яковлев написал: «Мальчика» (собаку) в тепло и накормить».

чтобы злая рука проникла на третий этаж школьного помещения, в котором помещается квартира Дедушки.

«Дней светлых светлою чредою текла там времени река».

Удар 1903 г.³, оторвавший сельские школы от основной Симбирской школы и лишивший Дедушку власти над этими сельскими школами и понизивший служебное положение Дедушки до заведывания одной только Симбирской школой, принес свою долю пользы, избавив от делавшихся все более трудными поездок по округу и сосредоточивший все внимание Дедушки на одной только Симбирской школе, где назревала своя новая задача организации собственной большой сельскохозяйственной фермы, о чем Дедушка мечтал уже более 20 лет и к которой он подходил с разных сторон на Свяжской ферме и на мелких участках, которые удавалось арендовать поблизости от школьной усадьбы. Так протекали зимние дни в период 1903—1917 гг., пока не пришла буря революции.

Поездка в город, встреча со знакомыми, шутливо-приветливый тон в разговоре.

Доха. Выезд в архивную комиссию. Поливанов⁴. Приезд мой на рождество. Расспросы про Москву, Громек⁵, Василия Осиповича Ключевского⁶. Затапливание зеленой печки, треск огня, чистая постель. Счастливые лица, умиление и восторг при всех рассказах о своих, особенно о детях. Сияние доброты, счастья и довольства.

Ясный вечер, сиянье заходящего солнца. «Свет вечерний». Ночью колотушки и свистки сторожей. Лунное сияние над городом и над рекой. Собаки «Мальчик» и «Бурка». Забота Дедушки о «Мальчике». Черный кот Михей. Творожники, пирожки, блины и кофе, лепешки. Обстановка кабинета: квадратный стол и шкаф из своей мастерской. Стол, заваленный бумагами. Корректуры и отпечатанные листы. Гимназическая группа над кроватью. На стене портфель (портрет) Лиды и мой⁷, кресло дубовое и красного дерева. Тишина, мир, покой, красота труда и его итогов.

Утренний обход Дедушки в темноте: на кухню, что и как готовят. В спальни: встают ли, чисто ли убирают. В мастерскую, где уже с 6 часов горят свечи в деревянных шандалах и визжат пилы и рубанки. Серг. Серг. и Ник. Никит. Десятки поколений^{***}, ими выученных столярному и токарному ремеслу. Ник. Ник. Его спорт — рыба. Чистенький домик на горе, образцовые удочки. Ловля наметом. Почему-то столяры кончали чахоткой... Поступали всегда с выпивкой, но около регулярного труда и обучения мальчиков этот порок проходил быстро. В визжащую с блоком дверь входят мальчики.

Самодельные циркули, линейки, угольники и т. д., не говоря обо всей мебели и деревянной утвари, которая выделялась для школы тут же.

В спальном помещении 2-го класса беспорядок — воспитанники не убрали кроватей и заняты несвоевременной игрой в шашки. Глаз Дедушки, как нарочно, всегда тут как тут — проборка.

Но мало осмотреть спальни и классы, в которых дежурные уже успели зажечь ярко сверкающие лампы-«молнии». Дедушка спустится вниз в пекарню, посмотрит, как там месят тесто, какая выпечка, пройдет на кухню, посмотрит: какво мясо, чисто ли вымыты чашки и вовремя ли затоплена печь для приготовления утром 7-часового завтрака. Но за садом, за вершинами берез небо уже светлеет, и Дедушка идет обратно. Мама шутит: почти каждый раз он наталкивается на какой-нибудь мелкий инцидент, который хотели скрыть от него: подрались ученики, кучер несет со двора мешочек с овсом и т. д.

Spring*

Весенний день. Как обычно, я приехал на пасху на 3-й день, когда ударили к пасхальной вечерне. Двор и сад были чисто выметены, на деревьях уже обозначились зеленые почки, но листьев еще не было. Дорога была

^{***} Т. е. поколения учеников Чувашской школы.

* Spring («г.») – весна.

совершенно сухая. Когда извозчик ввозил меня в гору во внутреннем дворе, навстречу мне попадались бежавшие на благовест ученицы и ученики младших классов. Дедушка уже встал и встретил меня на первой площадке лестницы, захлебываясь счастливым старческим смехом и сияя серебряной белизной своей пушистой бороды. За ним выбежала сияющая радостью мама. Окна в столовой были уже открыты, и со двора веяло весенним запахом свежей, распаренной теплым весенним днем земли и доносились отдаленные из чужих церквей удары благовеста. Потом разговоры и рассказы.

Утро. Дедушка на дворе сам наблюдает за уборкой сада и разного от зимы оставшегося на дворе хлама. Его высокая фигура с окладистой белой бородой и привычным для него жестом подпирания туловища левой рукой виднеется то там, то тут. За всяким делом он привык следить сам и вот теперь стоит около бегающих, как муравьи, учеников. В воздухе стоит запах теплой, разогретой весенним солнцем земли. Мелькают первые бабочки этого лета — зеленые капустницы. На кухне варят из молодой крапивы, неосторожно выскочившей около забора, первые зеленые щи.

После обедни при ярком весеннем солнце поход на опытное поле за Свягой, лежащее в 1 — 1/2 в. Идем не торопясь, встречные крестьяне приветливо здороваются: кто же не знает Дедушку? 7-десятинное поле огорожено, и на нем ученики практически учатся многопольному хозяйству. В поле около приюта шалашка, и мы долго сидим в ней и смотрим на поднимающийся на холме за Свягой город, кажущийся отсюда необыкновенно нарядным и красивым (особенно хорош этот вид летом, когда белые колокольни и белые здания выглядывают из густой зелени листвы, окутывающей весь склон горы). Поле настраивает Дедушку мирно и задумчиво. В нем просыпается крестьянин, любящий землю и свое поле.

Но в этом благодушном настроении его все время не покидает мысль о непрочности этих сельскохозяйственных затей, покуда нет своей собственной фермы. Сколько раз уже такие его начинания срывались из-за

того, что их заводили на арендованных участках. Но своя ферма требует денег, а их надо накопить, и вот десятилетие за десятилетием идет собирание казны главным образом от доходов от учебной столярной мастерской, выручка которой идет на пополнение капитала, издали, загодя, за десятки лет вперед предназначенного на приобретение собственного земельного участка.

В прекрасный весенний день едем смотреть намеченный участок за колонией душевнобольных на одной из террас спуска к Волге. Дорога. Участок этот дожидается решения уже добрых 15, если не все 20 лет, и не ускользает. История его приобретения. Характер участка. Задуманное в 1893/94 г. осуществилось в 1913 г. Политика и дипломатия в этом деле. Роль удельного ведомства, его сочувствие.

Но вернемся к нашему весеннему дню. Снова звон к вечерне. В воздухе тишина и праздничная благодать, спокойствие. Зажжены лампы. На столе самовар, и Дедушка, довольный поездкой на участок, о котором он давно мечтал, садится за свой любимый варенец.

Окапывание яблонь. Весна в Симбирске вообще. Разливы, грязь. Цветение горы⁸. Пароходы, плоты. Жизнь на Волге «под горой». Разливы. Никогда оценок наружности людей и плутания в их генеалогиях*.

В молодости переплывал Волгу**.

Autumn***

Середина сентября. Занятия идут полным ходом. Со свежими силами, бодро и весело крестьянские дети взялись за науку. Но вот прекрасный осенний день, теплый и прозрачный, с летающей паутиной. Поход в Киндяковку. Возвращение с желудями и пучками трав и листьев. Рубка капусты... Дедушка как хозяин крестьянского двора.

* Данный абзац представляет собой конспект воспоминаний А. И. Яковлева.

** Слово «Волгу» написано с изъясном. Можно прочесть и как «Воложку», «Воложкой» называется рукав Волги немного ниже Симбирска.

*** Autumn (англ.) — осень.

Приходы учителей в классы. Их состав. Всегда часть из города (из семинарии, гимназии). Связь с педагогическим миром, чтобы не было «чувашских тайн» перед «губернией». На дворе темно, но окна школьных зданий сияют яркими огнями своих «молний». Постукивая палкой, по двору медленно идет, поднимаясь в гору, Дедушка, только что обошедший все школьные здания, чтобы убедиться в том, что дежурные на местах, а ученики в классах за приготовлением уроков. Свежеотремонтированные помещения, яркие полы, запах яблок от коробов с «черным деревом» и «хорошавкой». Арбузы. Походы на Волгу за посудой на барки⁹.

Вид из окон и с горы.

Лето

Дедушка не любит покидать свое школьное хозяйство надолго, даже и летом. В полдюжине школьных зданий всегда где-нибудь да идет ремонт, и глаз хозяина все время необходим. Я не могу себе представить школьную усадьбу летом без запаха асфальтовых котлов, свежей масляной краски и запаха горького дыма от костров, на которых кипятят олифу. Сад весь зарос бурьяном и травами*. На деревьях начинают наливаться яблоки. Густая сочная зелень вязов перемешивается с серебряными ветвями ив. Тополя по улице так обросли листвой, что затемняют даже 3-й этаж и крепкой стеной стоят вдоль всей школьной усадьбы сверху донизу. Но лето важно не только для ремонта. Летом имеют место приезды учителей и священников со всего Чувашского края. Именно летом происходит обмен сведениями, мнениями и впечатлениями, проверка того, что считалось за верное до этого времени.

Дедушка сидит целыми часами со своими посетителями на скамейке в школьном саду или вечером на балкончике женского училища, куда подается и чай и где в мирной...** теплого летнего вечера ведутся эти простые и сердечные разговоры между старым общим учителем и его бывшими

* Так в тексте: вместо «травой».

** После слов «в мирной» пропущено какое-то слово, возможно, «обстановке».

учениками, частью тоже успевшими поседеть на работе, о задачах школьной политики. Поднялась луна, а около лампы на чайном столе на открытом воздухе все еще виднеется седая борода и могучая голова Дедушки, около которого сидят его деревенские гости.

На сердечной простоте этих отношений и держалась вся механика дела. Этих связей не могли перерубить и годы реакции. «Свой со своими» — таков был характер этих отношений. «Пир н Иван Яковлевич»,^{***} - так было вышито на художественной обложке адреса, поднесенного Дедушке в день 40-летия со дня основания школы (1908 г., 28. X).

Вот тип и характер общей работы, приноровленной к условиям среды, места и времени. Никакой помпы, ничего показного. Сама простота и семейственность. Эти отношения упрочивались еще тем, что жены этих учителей в большинстве случаев вышли из той же его школы, из женского при ней училища, так что имели те же традиции, «понятия и вкусы.

Домашняя обстановка этих хозяйств.

Наружность приезжих, их костюмы, их манеры держаться: простота, ничего показного и рисующегося. Со всеми на «ты». Целуются. Некоторые типы: Андрей Петров, Петр Васильев, Григорий Алексеев. Умный и деятельный Данил Филимонов. Ананий Данилов. «Арзюри» — инспектор из чуваш — имя?

По имени и отчеству - без фамилий. Радость встречи и выговоры, отеческое журение.

Все это — «ровное крестьянское и по обхождению, и по манерам, но уже обработанное и окультуренное.

Кошки

^{***} Пир н (чуваш.) — наш.

Кошки — ныне Яковлево^{*}. Село Кошки прижалось к невысокому холму, через который идет дорога в Жуково и дальше в Тетюши. Около села нет леса, и обтекает его ничтожная речушка Кильна, более ручей, чем река. Ее прозрачная вода быстро струится по песку, и перейти ее можно, не замочив не только колен, но и щиколоток. Но в ее рябящих струйках все же по временам то тут, то там серебрятся пескаррики. Кильна течет капризно и извилисто. Под самым селом в ней есть ямы, в которых можно не только купаться, но и утонуть — в несколько аршин глубины. Но в этих же ямах крестьяне мочат корье, и поэтому около них вода бывает покрыта подозрительной грязной ржавчиной. Село раскинулось на ровном месте и только его северная сторона отколота неглубоким оврагом. У подножия холма - деревянная церковь, школа и дом священника. Население сплошь чуваши. Самое слово «Кошки» значит выселки, но откуда они выселились - неизвестно. Судя по другому названию - «Новотимбаево», есть где-то другое Тимбаево, из которого предки нынешних кошкинцев и выселились. Ни промыслов, ни ремесел кошкинцы 60-70 лет тому назад не знали, а жили только своим извечным хлебопашеством, держась друг за друга и образуя дружный и недоступный для постороннего глаза мирок. Вспоминая уклад жизни во времена своей молодости, т. е. лет 60-70 тому назад, Иван Яковлевич говорил, что дружная организация этого мирка была такова, что отдельному его члену немислимо было выдать или предать своих. Это при полной, конечно, покорности власти. «Всякой власти», - как говорил Дедушка, не вникая, какая она - лишь бы власть. Покорность власти была, конечно, безгранична и, вспоминая прошлое, Иван Яковлевич печально говорил: «Пойдут, куда угодно пойдут, если погонят», вспоминая, как во времена его детства безжалостно гнали крестьян под Севастополь, губя бестолку до 9/10 поднятого населения. В Кошках редко кто не родня друг другу, тем более - Иван Яковлевич. Мы можем пройти из порядка в порядок,

^{*} «Ныне Яковлево» вписано А. И. Яковлевым над строкой. При жизни А. И. Яковлева (умер 30 июля 1951 г.) был лишь проект переименования Кошек в Яковлево. Проект этот осуществлен позже.

и везде будут свой. Вспоминаю брата Ивана Яковлевича - высокого, худого старика в белой рубаше, про которого Иван Яковлевич говорил, что он-то умный, да жена дура. Другую близкую семью, в которой Иван Яковлевич вырос приемным и в которой нас встречали как почетных гостей, угощая жареной курицей в большой деревянной миске с жареным же картофелем. Любопытна черта этих простых людей — встречать своих городских и более достаточных родственников с ровным и спокойным достоинством, безо всякого заискивания, или угодливости. Совершенное отсутствие всякого попрошайничества: кроме редчайших случаев деловых ссуд на строительство или другие надобности — тоже их характерная черта. Между мальчиками 45 лет тому назад процветал тот же, вероятно, спорт, что и сейчас,— лапта да игра в большой берестяной мяч.

Тогда (80-е гг.) население было еще примитивным и диким. Вспоминаю, как по селу идет воз с грошевой кустарной деревянной посудой. А это кошатники, выменивающие 2-копеечные плошки и чашки на несчастных «Машек» и «Васек», которых со всех сторон наперебой тащат к ним бабы и ребята. Взяв такую несчастную «Машку» за задние ноги, кошатник разможивал ей голову о залитую кровью грядку телеги и бросал ее в огромную корзину, привязанную позади телеги, из которой слышались стоны и писк, потому что многие кошки оказывались недобитыми. Кровавая телега совершала свой объезд по селу, оставляя кровавый след и производя сенсацию своим появлением и возможностью выменять за кошку грошевую плошку. В остальном село как село: плеяда изб, конопляники и огороды. Одна особенность чувашского хозяйства — это их земледельческая старательность и усердие, большее, чем у русских или татар.

Принцип: все силами и сознанием самого населения!

Не собор Гуся Хруст! Дружность мира в 50-х и 60-х гг. Сестра и сестрина родня. Лошади — верхом. Деревенские запахи. Кильна — селение - базар. Бурундуки. Симбиоз русских и чувашей. Мельница и грачевник. Охота. Пасека Мушкеева. А. И. Баратынский¹⁰.

Родственники эти ни на что и не претендовали, довольствуясь в городе должностями кучеров или сторожей. Один их них, по приемной семье сводный брат Ивана Яковлевича, много лет возил его зимой по школам Симбирской и Казанской губерний на своих лошадях, как ямщик. Однажды, в 1892 или 1893 г., когда в сильный мороз под рождество Иван Яковлевич с дочерью-институткой пересекали в сумерки Волгу около Теньков²⁴, возок и лошади ухнули в полынью. Три седока вскарабкались на крышу возка, который поплыл в то время, как лошади бились о лед в воде выше брюха. Под тяжестью троих возок стал погружаться. Тогда, сотворив крестное знамение и со словами: «Вы, Иван Яковлевич, нужнее меня», — возница бросился в воду по шею. Но ему удалось мокрому (вскарабкаться на лед, втащить за собой коренника, пристяжных и карьером домчать возок до Теньков, где путники нашли приют. И лошадям, и кучеру эта рождественская баня обошлась благополучно, несмотря на 20-градусный мороз.

Если Иван Яковлевич был вообще верным сыном своего народа, то по отношению к кошкинцам — сугубо. Здесь им устроены 2-классная школа, церковь, мастерские, пасека и, кроме того, ему удалось задешево прикупить для кошкинцев до 1000 десятин земли, которые едва ли не утроили их надел, послужили им фундаментом к некоторому благополучию.

Пьянство и вино в Кошках.

За рекой разбросаны еще 2—3 чувашские деревушки, а в 7 верстах к западу лежит и кошкинская административная и хозяйственная метрополия — большое русско-чувашское село Большие Бурундуки, первый этап в жизненной эпопее Ивана Яковлевича, когда, снятый с сохи, он был отдан в Бурундукскую землемерную школу¹², помещенный для этого в замечательную, хорошую и трудолюбивую русскую семью Мушкеевых. Но о Бурундуках много рассказано в подлинных «Воспоминаниях» Ивана Яковлевича.

Дорога в Кошки — 60 верст^{*}. Если выехать летом при восходе солнца, то к обеду вы в Кошках. По дороге — громадный Коровинский овраг — целый каньон, со страшною крутизной, заставляющей тормозить и спускать лошадей под уздцы. У Коровинского моста 50 лет назад была дурная слава места разбойничих засад и нападений. За Коровинским оврагом на опушке леса стояли 3 двора, которые так и титуловались «Дворики». В этих Двориках еще по утренней прохладе полагалось давать лошади час-другой передохнуть, а путники пили чай. Бывало, что, выехав к вечеру, в Двориках заночевывали. Живо помню эти ночлеги на соломе на полу, рядом с гревшимся около печки телянком.

Еще темное зимнее утро. Сани бегут по накатанной дороге, мелькают очертания орешника по опушке, выскакивает спугнутый заяц, и мне все кажется, что зайцев этих бесчисленное количество и что каждая темная точка есть заяц, ждущий нашего приближения, чтобы сняться и стрекнуть. А недалеко, в верстах в 8—9, феодальная резиденция Симбирского губернатора и бывшего предводителя дворянства Теренина. Роскошная усадьба на берегу Свияги — одно из лучших мест губернии. Какое расстояние от бедного чувашского села до этой резиденции с ее нарядностью, тоном и властью! Как прелестна там Свияга в своих зеленых берегах!

В 1887 г. я застал еще следы языческих молений. Не помню, по какому поводу поздно вечером на Утюге, как называлось это место, на отроге холма, поднимающегося за Кошками, был заколот черный бык, мясо его сварено в больших котлах и было совершено моление. Обычай этот сохранялся и позднее.

10-летним мальчиком, разумно освобожденным от сохи, Иван Яковлевич был отослан учиться в ланкастерскую школу в Бурундуки, прошел через ее страшные опасности, был переброшен в землемерное училище, гимназию, университет, с тем, чтобы опять вернуться в село Кошки, где и он, и оба его

^{*} От Симбирска.

сына^{**} сохранили крестьянские наделы, отданные в распоряжение школы. Нежность души.

Школьная усадьба

Школьная усадьба составилась из лоскутьев. Когда в 1873 г. (?)^{*} удалось впервые купить свое здание — полуразрушенные казармы на берегу реки — вся верхняя часть усадьбы была занята мелкими мещанскими владениями и пустырем, по которому текли ручьи и стояли болотца.

Нижнее здание было характерно по постройке. Оно было 2-этажное, каменное, но без фундамента, и для того, чтобы оно не рассыпалось, понадобилось подвести фундамент уже под готовое каменное здание — фокус! Но так было сделано, и в один прекрасный день 2-этажное каменное здание с периметром около 50 саженей ухнуло и село на свой фундамент. Но как же было поступить иначе, когда на весь школьный обиход отпускались такие маленькие деньги, что о самостоятельной стройке нечего было и думать.

Поэтому у каждого школьного здания своя история. Почти ни одно из них не было построено сразу, а строилось, пристраивалось и надстраивалось по несколько раз. Гору надо было осушить, и в разных направлениях на усадьбе был проложен дренаж с колодцами, оттягивающий воду — вот почему теперь она совершенно осушена, и не верится, что тут когда-то было чуть не сплошное болото.

На полугоре водворилась кузница — тогда Иван Яковлевич думал не только о столярной (вполне впоследствии укрепившейся), но и кузнечной и сапожной (?)^{**} мастерских. В этой кузнице работали 2 кузнеца из «ходовков в народ», обладавших отличными голосами и певших за своей звонкой работой. Потом эти усадебки были скуплены одна за другой, слиты и бесследно исчезли на общей школьной территории, кроме одной, которая

^{**} Алексей Иванович и Николай Иванович Яковлевы.

^{*} Так в оригинале: в скобках — знак вопроса.

^{**} Так в оригинале: в скобках — знак вопроса.

уцелела в качестве клинышка и поныне. Одна из этих усадеб сыграла в школьной экспансии большую роль, т. к. запирала выход на ту же территорию для богатого соседа и конкурента — ремесленного училища. Но она принадлежала матери богатого фабриканта и покровителя школы Шатрова и не могла быть куплена, а без нее доступ на территорию этих мещанских усадебок для ремесленного училища интереса не представлял. А затем, по смерти матери, Шатров отдал и усадьбу, и дом — им на ней выстроенный — в распоряжение Чувашской школы.

Шатров вообще был материальным благодетелем школы и по своим средствам не очень щедро, но все же каждый год помогавший ей. Секрет его симпатии к школе был в том, что сам, хотя и скрывал это, был мордвин и ему симпатична была мысль об участии в культурном строительстве другого инородческого племени. Последний большой вклад его — усадьба и двухэтажное каменное здание — уже значителен и по сумме, достигающей 2—3 десятков тысяч руб. Этот корпус является главным школьным зданием и доселе. Надо сказать, что Шатров слепо доверял строительный план и строительство гению Ивана Яковлевича, знал, что тот сумеет построить на 1000 руб. то, что другой не сделает и на 3000 руб. И постройку производил сам Иван Яковлевич, и вот почему она обошлась так недорого. Но Шатров, в финансовой области и сам гений, конечно, тщательно следил за постройкой и то и дело приезжал на работы из той парадной части города, в которой жил он сам.

Но Шатров был едва ли не единственный человек, кто из города принимал участие в школьных делах. Этот интерес в нем поддерживала его красавица жена. Бездетные, хорошие люди, они не имели других интересов и удочерили свою дальнюю родственницу.

Так постепенно, на гроши создавалась та громадная школьная усадьба, которая не осилила в своем квартале лишь одного мещанского домика да своего богатого соседа — ремесленное училище.

Округ

Судьба Чувашской школы была связана с Казанским округом, в котором за 50 лет сменилось человек 10 попечителей.

В 70-х гг. работу пришлось начинать при крупном деятеле П. Д. Шестакове, а потом пошло измельчание. Один из попечителей был назначен за пощечину, полученную им в бытность инспектором студентов, но это был не из плохих. Но чем дальше шел развал николаевской эпохи, тем хуже делался подбор того высшего для педагога начальства, от которого зависела не только его личная судьба, но и судьба его дела. Попечители 80-х и 90-х гг. относились к школе вообще благоприятно, т. е. пассивно-покровительственно, потому что знали, что в верхах отношение благоприятное. Но вот началось влияние курса второго николаевского пятилетия, что тотчас же сказалось на политике округа сначала в мелочах. Симбирский губернатор Акинфов в годовом отчете дал очень благоприятную оценку Чувашской школе. Оценка эта привлекла внимание и вызвала ремарку свыше, что было сообщено и в округ. При ближайшем же служебном представлении попечитель Попов, обращаясь к Ивану Яковлевичу, сказал: «Вот о вас очень лестный отзыв, привлекающий внимание и *...» На замечание Ивана Яковлевича о том, что все это произошло без его участия, последовала рассеянная фраза: «А ведь вы могли бы стать действительным статским советником в этом году».

Так преломлялось внизу влияние сверху. В 1907 г. волна капризов и забастовок с большим опозданием, но дошла и до Чувашской школы. В своем месте будет рассказана эта эпопея и та трудная борьба, которая отсюда проистекла. В деле с этой глупой забастовкой округ стал на неопределенную позицию, которую можно было истолковать как сочувственную к забастовке. В делах с контролем тоже традиционная ведомственная поддержка начальством своего подчиненного стала сменяться «выдачей головой». Среди

* императора.

этих инцидентов, однако, наиболее яркий эпизод — появление в 1902 г. у власти явного врага Спешкова, который начал уже настоящий поход.

Дело поведено было искусно. Спешков провел через тогдашнего опереточного министра Зенгера уничтожение в 1903 г. самой должности окружного инспектора чувашских школ. Сделано это было без огласки. И когда в мае Иван Яковлевич явился в очередном порядке в округ, Спешков поздравил его «с новостью» и, вызвав в канцелярию (из предосторожности, чтобы были свидетели) объявил, что «вашей должности» более нет, а вот не хотите ли занять должность инспектора одной Чувашской школы, что иерархически было весьма значительным понижением. Но Иван Яковлевич сохранил все свое самообладание, поклонился и сказал, что просит времени на размышление, а на другой день заявил, что он готов принять новое положение. Впоследствии оказалось, что это понижение было только на пользу, так как избавило Ивана Яковлевича от начинавших становиться тягостными тысячеверстных поездок по округу.

Но этим дело не ограничилось, ибо Спешков понимал, что тут надо доканать, а не останавливаться на полумерах. Поэтому следом в 1904 г. была назначена ревизия школьного хозяйства, порученная лицу с самой печальной репутацией — некоему Свешникову*. Ревизор, что называется, обрадовался. Хотя он сам довольно долго служил в Симбирске и знал положение в Чувашской школе и заслуги Ивана Яковлевича, но отчет его был чернее черного но, к счастью, на редкость безграмотно составленный. Вызов пришлось принять, и этот отчет о ревизии сделать предметом тщательного разбора. Но помощь шла и в более широком размере. Округ, что называется, зарвался, и была назначена ревизия над ревизорами в лице Будиловича, давшего обстоятельную картину положения, а следом за тем был созван съезд в Санкт-Петербурге специально по инородческому просвещению, в результате которого Спешков был убран (1905 г.) и восстановлена была начинавшая отменяться система Ильминского.

* В рукописи А. И. Яковлева написано «Свеш-р. Кажется, следует читать «Свешникову».

Но, конечно, реакция не могла уняться. В 1910 г. появляется новый попечитель Кульницкий, помешанный на отыскании крамолы. «Я бы вас в 24 часа уволил». «Почему же не увольняете?» «Не могу». Роль Кассо¹³. Мирный период с Игнатьевым¹⁴. Но наиболее упорство и желание помешать округ проявил в лице одного из самых мизерных ничтожеств — помощника попечителя Погодина при последних шагах к приобретению участка и устройству Волжский фермы в 1912-1913 гг.

Но, вообще говоря, округ был лишь тормозом и путами в работе, никогда не беря на себя активную роль в положительном продвижении дела. А уже об инициативе тут говорить и не приходится. Погодин — новый тип пшюта.

Судебное дело

Но наиболее неприятный жизненный шквал пришлось выдержать в 1907 г., когда против Чувашской школы и Ивана Яковлевича начался систематический поход лжи и клеветы. Дело началось с маленького пасквиля, состряпанного неким Федоровым¹⁵, бывшим учеником Ивана Яковлевича, им обласканным и проведенным через семинарию. В виду выдающихся способностей как самого Федорова, так и некоторых его товарищей, Иван Яковлевич даже приглашал для занятий с ними в летнее время учителя логики за свой собственный счет.

...Федоров и несколько примкнувших к нему человек решили рассчитаться с Иваном Яковлевичем и начали с маленького — с пасквиля, появившегося в виде украшения столбцов новорожденной «Симбирской газетки». Пасквиль показался занятным, но Иван Яковлевич никак на него не реагировал. Тогда через несколько месяцев в связи с неладами в школе (забастовка марта 1907 г.)¹⁶ начался уже град статей, объединенных общей целью — доканать Ивана Яковлевича. Положение было трудное, город, ослеславленный своей газетой, нашел и жертву, о которой можно было поговорить и над которой можно было поиздеваться.

Но эпилог наступил больше чем через 10 лет. Федоров умирал в Казанской тюрьме после эсеровского восстания и перед смертью просил передать через своих товарищей, что он просит прощения у Ивана Яковлевича в причиненном ему зле.

Таким нравственным эпилогом закончилась эта длительная и тягостная история, в свое время заставившая много страдать и Ивана Яковлевича, и близких к нему людей. Положение было даже грозным, ибо и начальство учебного округа предложило начать судебную борьбу, в то время как на стороне врагов было все сочувствие, даже суда. Спокойное самообладание и достоинство во всех трудных случаях, достоинство в беде и умение не выходить из себя в трудных случаях и не падать духом — вот те черты, которые Иван Яковлевич обнаружил во время этой борьбы и в других столь же трудных случаях жизни. Эта история может казаться мелкой по калибру, но она была большой по глубине переживаний и по трагизму положения: одним пренебрежением и презрением тут отделаться было нельзя и борьбу начать было неизбежно. В случаях поражения — уход и распад дела, во многом еще незавершенного. Вместо этого удалось проработать еще полное десятилетие, организационно очень важное.

«Губерния» и Чувашская школа

«Губерния» долгое время не замечала и игнорировала Чувашскую школу. «К вам, батенька, туда не доедешь», — говорил один из губернских предводителей дворянства, извиняясь за неотданный визит. Губернатор приезжал в школу в предшестве полицеймейстера, точно в военную экспедицию. Ею (т. е. школой — *Ред.*) и не интересовались. Некоторый интерес возбуждал только прекрасный школьный хор, приглашаемый как-то даже в дворянское собрание. Школа не навязывалась, но и не сторонилась, зная, какое значение имеет «в сферах» мнение крупного губернского туза, могущего невзначай брошенным отзывом навлечь гонения и погромы на беззащитное учреждение.

«У меня тут мальчишка все тарелки на кухне лижет», — бросал неожиданно ему пришедшую в голову мысль другой губернский предводитель кн. О.,¹⁸ — возьмите-ка вы его к себе в школу».

Вот тот примерно интерес, который проявляла правящая губерния в отношении Чувашской школы. Правда, не было и отрицательных сторон — неосновательной подозрительности и недоброжелательства и желания ставить палки в колеса.

Это о дворянстве. Чиновничья среда всех ведомств относилась к Чувашской школе с тем безразличием, с которым она относилась ко всему на свете за пределами своих ведомственных интересов. Но и ближе стоящий мир, как директора гимназии и народных училищ, не проявляли большого интереса и скорее готовы были видеть в Чувашской школе нечто иррациональное, не укладывающееся в привычные для них казенные рамки. Впрочем, были и доброжелатели. Так, стал ближе интересоваться школой почтенный председатель казенной палаты Иванов. В свое время ряд услуг оказал молодой школе тогдашний директор народных училищ Илья Николаевич Ульянов. Вообще ничего похожего на ведомственную корпоративность тут отметить нельзя.

Ближе других была духовная семинария, потому что оттуда чаще приглашались временные преподаватели, так как именно семинарские преподаватели, оплачивавшиеся всего хуже, более интересовались дешевыми школьными уроками на краю города, чем преподаватели других учебных заведений. Из принципа часть преподавателей обязательно приглашалась из города, дабы там, «наверху», не укреплялось впечатление, что Чувашская школа — это какой-то свой обособленный и закрытый от чужих глаз мирок. Это особенно относилось к литературе, тем более что именно духовная семинария славилась как школа ученического сочинительства. Связь эта укреплялась еще и тем, что Чувашская школа вмела права ежегодно рекомендовать для поступления в 4-й класс семинарии без экзамена 3 своих лучших учеников, из которых некоторые по окончании семинарии

переходили в духовную академию. Да, духовная семинария была едва ли и не единственным учебным заведением, в котором происходило настоящее научное соперничество и создавались как бы миниатюрные научные репутации, вырастали своего рода школьные знаменитости, о которых шла слава по мирку учащихся.

Про гимназию и аристократический кадетский корпус этого сказать было нельзя. Так сплеталась преподавательской средой работа этих двух учреждений. Теснее других учреждений соприкасалась со школой уездные земства, учреждавшие при ней стипендии для уроженцев своих уездов, но эта связь выражалась только в соответствующих постановлениях собраний и переводе ассигнованных стипендий. В последние годы школьной работы количество таких стипендий исчислялось уже сотнями.

«Верх» губернии скользил над скромной жизнью Чувашской школы, да ничего другого, кроме невмешательства, от него и не требовалось, никаких щедрот и участия от него никто не ждал – только бы не съели и не разорили, а остальное занимало мало. Там, «в городе» делались карьеры и гремела музыка, а здесь, внизу, тихо, незаметно и упорно совершалась работа культурного продвижения вперед штаба миллионной темной массы. Относительно «благожелательности» этих губернских верхов у Ивана Яковлевича никогда не было иллюзий. «Раздавят, как комара», — часто говорил он, опасаясь какого-нибудь шалого набега с стороны ретивого администратора.

Внешность

Ростом Иван Яковлевич выше среднего^{*}, очень широкий и мощный в плечах, с сильной природной мускулатурой в руках — гимнастикой и упражнениями никогда не занимался. Природа дала могучее сердце, которого хватило и на тиф, и на воспаление в легких на 71-м году жизни и которое проработало 82,5 года. После 40 лет — склонность к полноте, но благодаря

^{*} Над словом «среднего» написано: «мягкие и тонкие темные волосы».

общей мощи фигуры, это не было заметно и не мешало движению, быстроте и уверенности. До 60 лет по лестнице почти всегда бегом через 2—3 ступеньки. Левая ступня изуродована в детстве, переломом, и большой палец торчал перпендикулярно к остальным, из-за чего приходилось заказывать особую обувь. Ноги были простужены, и Дедушка всегда носил шерстяные чулки, даже летом, а наружу в сырое время выходил в высоких резиновых галошах. Походка была быстрой и решительной, лестниц и прочих не замечал. Под старость, за 60 лет, походка стала медлительной и осторожной. Руки были по-мужски красивы, с длинными сужающимися к концам пальцами, странными для крестьянского сына, начавшего свою жизнь с сохи и серпа. Широкий решительный разрез рта человека с большим характером, всегда окладистая борода. Тюрко-монгольские выдававшиеся скулы и замечательные — остротой, блеском и силой — темно-серые стальные глаза, одаренные способностью загораться и сверкать в моменты возбуждения. Тогда взгляд делался страшен и захватывал. Не очень высокий, слегка покатый благодаря выдавшимся надбровным дугам лоб и очень большой череп (60 сантиметров), доставлявший хлопоты при покупке шляп и фуражек, так как размер этот не часто встречался и долго приходилось подбирать. Слабостью Ивана Яковлевича было разоблачаться от некоторых принадлежностей костюма и заменить все верхнее платье стареньким летним пальто, с чем постоянно воевали мы, так как за обедом могли появиться и чужие. Лишь за 60 лет было заведено подобие халата, или длинной до щиколодок поддевки серого деревенского сукна. Верхнее платье, по старой привычке человека порядка опрятное, было всегда очень изношенным и ни намека на франтовство в нем не было. Крахмальная рубашка со старинным отложным воротником надевалась только в редких случаях для выезда, или приема, а обычно Иван Яковлевич носил русскую косоворотку, ворот которой был скрыт его густой белоснежной бородой. Дурная привычка морщить лоб, особенно в часы душевного расстройства и беспокойства, придавала лицу угрюмый вид, но когда оно сияло улыбкой приветливости,

счастья и внутреннего покоя, а глаза излучали свет и тепло, оно было прекрасно. Распущенная на лбу кожа возвращала ему его естественные, крупные, широкие и высокие очертания, а рот распускался в трогательно добрую детскую улыбку. Бывало, подойдет ко мне со старческим добрым смехом, потреплет своей могучей рукой за плечо и примолвит: «Какой же ты жиденский».

Одной из самых сильных черт была необыкновенная впечатлительность на чужое горе и беду. Когда в 1878 г. неудачные штурмы Плевны обходились в десятки тысяч жизней, как мать рассказывала, Иван Яковлевич плакал, как ребенок. Вспоминаю, как он один раз вернулся из города со слезами на глазах: ему пришлось дожидаться, пока около боен дорожку перейдет стадо быков, жалобно ревавших в предчувствии гибели. «Как они, чуявши бычачью кровь, режут?», — все повторял Иван Яковлевич. Именно эта-то способность сильно чувствовать была причиной той легкости, с которой Иван Яковлевич чем-либо воспламенялся и загорался, когда дело его затрагивало за живое. Он выпрямлялся во весь рост, глаза сверкали юношеским огнем и приобретали тот блеск, который придавал им «пронзительность» (как говорят).

Искра божия

Помню, когда ему было уже 73 года и дело с переводом чувашской Библии можно было считать заглушим, в 1922 г. мелькнула надежда, что его можно организовать на субсидию от «Библейского» общества¹⁹. Иван Яковлевич загорелся сразу тем внутренним огнем, который называют вдохновением и, который придавал ему такую красоту и величие. «Скорее за дело, соберем штат переводчиков и организуем его в полном объеме». Но этой мечте не суждено уже было сбыться. Тогда же между случайными посетителями шел случайный разговор о политическом положении в тоне утрированного индифферентизма. «Ведь, вы же говорите о России», — сверкнув глазами и, со слезами в голосе воскликнул Иван Яковлевич. Эта

способность воспламеняться, и есть та искра божия, которая жила в нем всю жизнь и умерла только с ним, которая двигала на творческую работу и его самого, и тех, кто приходил с ним в соприкосновение. В этом огне никогда не было ничего деланного, никакого ложного пафоса и напыщенности, а был тот подлинный огонь, который жжет и свое, и чужое сердце. Но в гневе этот взгляд был страшен, и другим глазам трудно было встретить его, особенно людям слабым и с нечистой совестью.

Сам о своей наружности Иван Яковлевич был очень отрицательного мнения: «Как посмотришь в зеркало, так хочется плюнуть», — сказал он один раз по этому поводу. Глаза не потухли и со старостью, и былой огонь и разум нет-нет да и вспыхивали почти до кончины.

Весь обиход привычек Ивана Яковлевича был простой, крестьянский. Всю жизнь — раннее вставание в 5—6 часов, ранний обед в 1—2 часа, сон после обеда и вечер со свежими силами за работой. В среднем возрасте он любил перед обедом выпивать рюмку водки, но потом эту привычку оставил. Кушанья самые простые: щи, борщ, но особенно любил уху из рыбы. Для питья варился обычно простой деревенский квас, который Иван Яковлевич любил пить прямо из горлышка графина, с чем воевали мы. Любимое чувашское кушанье — кислое молоко и варенец, которое обычно изо дня в день готовили для Дедушки к ужину. Бывало, он ест, ест его и обмакивает свои пушистые усы*. В среднем возрасте была дурная привычка пить вечером помногу чая, особенно летом, иной раз чуть не по 10 стаканов, но от этой привычки в связи с ослаблением сердца Иван Яковлевич лет под 60 отстал. Никаких новых вкусов относительный достаток после 50 лет в нем не развил: как сложились эти вкусы в среднем возрасте, даже в молодости, такими и остались. В 11 часов утра, после утренних уроков, Иван Яковлевич любил выпить стакан кофе, причем нередко вспоминал тот кофе, которым его в студенческие годы угощали у Ильминского и подобного которому он больше никогда нигде не пил по его впечатлению.

* В тексте после слова «усы» было написано «Что сердило маму и меня» и зачеркнуто.

Слабость

Как истый педагог, Иван Яковлевич любил наставительные выводы из данных фактов.

Выслушав или рассказав какой-либо конкретный случай, Иван Яковлевич склонен был сделать из него и вывод. Напр... ** .

Образчики его наставлений ученикам: «Быть миролюбивым и с врагам», «Делать ближайшее очередное дело и не погружаться в мечты о деле», «Ценить людей по их работе, а не по отвлеченным, приписываемым им качествам». Один из попечителей отозвался о Федоре Никифорове, который был первым чувашским инспектором, как о глупце, и спросил мнение Ивана Яковлевича. Иван Яковлевич ответил, что он не привык подходить *** с этой стороны, а привык ценить их по работе, а работник Ф. Н. полезный и нужный. Но, несмотря на склонность к педагогической дедукции, никакой тенденции навязывать многозначительно свои советы и наставления, никакого апломба и вещания от имени опыта и авторитета. А на явно несостоятельные возражения, когда он высказывал свое мнение, слабо добродушное: «Ну, вот поди же ты», Но в критические минуты, когда надо было, его ум освещал положение сразу. Случай со сделкой с П. А. Демидовым. Случай с учениками в 1907 г.: «Не судиться же мне с учениками — они должны остаться в стороне от процесса». Решительность со сверкающим взором: так, фальшиво, нельзя, надо действовать прямо и твердо — такова его обычная позиция. В молодости, по словам матери, он был гораздо большим дипломатом, чем под старость. «Бывало, все выпросит и узнает, а сам ничего не скажет», — говорила, вспоминая прежнее, мать. Но под старость пришло другое — старческое величавое спокойствие, когда он чувствовал, что житейская изворотливость ему уже не к лицу и не к сану — «Чувашскому богу», как его прозвали. Эта равная благожелательность ко всем и сообщала такой величественно простой характер его выступлениям —

** Так в тексте: многоточие.

*** В этом месте по-видимому пропущены слова «к людям».

чувствовалось всегда то, что на человеческом языке называется уже не умом, а мудростью, способностью схватывать и понимать дело с таких перспектив, с каких оно недоступно наблюдению простых смертных. Широкое признание деятельности пришло только в 60 лет в связи с клеветнической кампанией, которая начата была в 1907 г., и было ответом на клевету. Но то, что Иван Яковлевич считал самым существенным в своей деятельности (переводы), удалось оформить одним цельным изданием тоже около этого же времени, так как издание удалось осуществить только на английские деньги (2000 фунтов стерлингов), ассигнованные «Библейским обществом». «Умри я в 1906 г. — говорил Иван Яковлевич, — ничего бы не осталось». То есть, надо сказать, ничего округленно законченного, причем по частям работа была уже проделана давно.

Одной из слабых и вместе с тем сильных сторон характера Ивана Яковлевича была его легкая возбуждаемость и общительность, склонность меняться мнениями, делиться впечатлениями. В детстве мы отправлялись в баню втроем с братом и Дедушкой. И вот, после хорошего пара, на полке начинались сердечно-деловые разговоры на разнообразные темы, затягивавшие наше банное пребывание часа на 1,5—2. О чем только не говорилось!

В постановке целей Ивана Яковлевича замечательна его деловая трезвость: всегда задаваться только осязательными и выполнимыми планами, не бросаясь на затеи, которые имеют химерический характер. Он понимал, что в русской действительности нет места американским темпам и что все планы и операции здесь должны быть рассчитаны на бесконечное терпение и нудное настаивание на какой-нибудь скромной, в несколько месяцев выполнимой мысли. В течение целых десятилетий - ферма!

Мать *

* Екатерина Алексеевна Яковлева, жена И. Я. Яковлева — родилась 2 октября 1861 г., скончалась 15 ноября 1936 г. в возрасте 75 лет.

Их (т. е. детей — *Ред.*) уже трое у 20-летней матери. Впрочем, младшая девочка знает только грудь да пеленки^{**}. Но справиться можно, потому что дети смирные, особенно старший мальчик Леля^{***}, который уже может выходить в сад по своим 3 годам и один. Если ему сказано не ходить дальше этой клумбы, можно быть спокойной, что он не пойдет. Ему позволено рвать только желтенькие цветы — одуванчики — «одинаковые», как их ему в пояснение назвали, и никаких других, кроме этих «динаких», как он будет называть их, Леля не тронет. В открытое окно видно, как он ходит около этих «динаких» цветочков и собирает маме букетик. Над клумбами жужжат пчелки и шмели и кружатся коричневые бабочки. Мир отрезан густою стеною акаций и шиповника, за которыми начинается дорога. Ярко сияет солнце на голубом небе. Укачивая свою 2-летнюю малютку, мама поет ей песенку «Весело цветики в поле пестреют...» Мир и тишина в маленьких комнатах. Время от времени мама выглядывает в окно и видит своего мальчика за делом, собирающего ей «динакие» цветочки. Из кузницы за садом доносятся удары молота по железу, а молодой веселый голос кузнеца поет звонким и красивым баритоном бодрую веселую песню...^{*}. Хорошо и Леле между грядками ярких, ароматно пахнущих цветов следить за полетом то пчелы, то бабочки, или ткнувшись носом в дерн, окружающих грядки, долго и пристально рассматривать таинственный и так хорошо пахнущий тысячелистник. Маленькое сердце мальчика дрожит от радости и счастья слышать поющий голос его молодой прелестной матери-девочки около постели сестренки. Но вдруг сознание Лели прорезает ужас — мама недавно была больна, что будет, если она опять заболит и умрет. Ледяная рука ужаса охватывает сердце мальчика и закрывает от него и тысячелистник и пчелку, которая кружится перед глазами. Безысходный ужас охватывает Лелю. Мамы не будет, на что же тогда весь этот мир с солнцем, цветами и бабочками?

^{**} Лидия Ивановна Яковлева (по мужу Некрасова). Родилась в 1881 г., скончалась в 1942 г.

^{***} Леля — сам А. И. Яковлев. Он пишет о себе в третьем лице. Родился 18 декабря 1878 г. Умер 30 июля 1951 г. на 73-м году жизни. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

^{*} Так в тексте; многоточие.

Слезы градом катятся из глаз и затуманивают взор. Это — первое сильное чувство, пережитое в детстве и навсегда оставшееся в памяти. Как и откуда оно пришло? Почему оно так неудержимо поднялось из глубины души в это ясное солнечное июньское утро? В нем слились и безумная любовь к прекрасной матери, и радость первого подсознательного^{**} наслаждения природой, и смутное понимание непрочности всего земного.

Другое яркое утро. В белой вышитой рубашке Леля идет с матерью утром в приходскую церковь. Навстречу им идет высокий отец, который берет Лелю на руки и несет его через мостик над оврагом.

Проходит 3 года. Зимняя мечта Лели — иметь свои коньки, настоящие, стальные, с ремнями. Похоже, что на день рождения он их и получит. Так он чувствует по мягкой и немного загадочной улыбке мамы. Замирая от волнения, Леля ложится в свою кроватку и не может заснуть от волнения. Но сон приходит и накрывает мальчика. Морозное утро ярко смотрит в мамину спальню, где спит Леля. Неужели уже день рожденья? Ощупывая подушку, Леля чувствует под ней что-то жесткое, вытаскивает бумажный сверток, разворачивает дрожащими от волнения ручонками — коньки на дубовых колодках с винтами и ремнями, ну совсем-совсем настоящие. Замирая от восторга и прикладывая их к босым ножонкам, Леля с нетерпением ждет пробуждения мамы. Была ли в жизни материальная радость большая, чем получение этих коньков?

Но вот другое видение. Леле 11 лет, и его ведут на экзамен в гимназию. Ведет его, конечно, сама мама. Страшное белое здание. Крыльцо с разноцветными стеклами по бокам. Швейцар и гул голосов по коридору уже обстрелянных старых гимназистов. Леля утопает в массе других мальчиков, уводимых в тот класс, в котором он должен держать экзамен. Мать в это время садится дожидаться в Карамзинском садике. И в то время как идет экзамен, час-другой она сидит на лавочке и дожидается, пока Лелю отпустят, а потом оба, счастливые, идут вместе домой.

^{**} Можно прочесть и как «полусознательного».

Гимназический вечер. Кружатся «в вихре вальса» сотни синих сюртучков, но глаза матери видят и следят только за одним — за неуклюжей толстой фигуркой ее мальчика, мелькающего среди других пар по зале. «Сколько их ни кружится, а видишь только одного своего», — говорит она подошедшему к ней собеседнику.

Мальчики — студенты. Их обрядили, собрали и проводили. На ночном пароходе должны поехать 3 приятеля по классу — Попов, Гречкин и я. Вот к темной пристани приваливается ярко сияющая махина белого, как лебедь, парохода, который сейчас увезет мальчиков. Торопливо прощаемся, последние поцелуи, трап убран, предупредительный свисток и пароход отваливает. Между его корпусом и пристанью побежали отшвыриваемые плицами колес буровато-белые волны, пристань стала уходить назад. Сейчас все скроется. Последнее, что я вижу — плачущую мать, прислонившуюся к стенке пристанной каюты. И опять Москва, мы уже разбросались по студенческим комнаткам, где кто, но материнское сердце неспокойно. И вот в одно сентябрьское утро на пороге моей комнаты стоит сама мать, а через 2—3 дня и отец, которые сами берутся за наше размещение, отыскивают нам вдвоем комнату и обед. Для этого мать живет в Москве неделю-другую.

И опять. Первый весенний приезд. На пристани мать, брат и сестра. Мы едем после экзаменов вдвоем, второкурсники. Мать с некоторой робостью обнимает меня: нельзя — ведь это уже полувзрослые студенты, у которых свое понятие о нежностях, допустимых публично. Зато уже дома, когда мы под родным кровом, ласкам и нежностям нет конца. Я — первое лицо, меня спрашивают и почтительно слушают, особенно младшие — брат и сестра. Светлые минуты, которые не вернешь.

Но вот несчастье — высылка 1898 г.²⁰. С виду мать и вида не показывает, что у нее на сердце, но ночью приходит и горько плачет у отца о погубленной судьбе сына: тогда все это казалось страшнее, чем теперь. Но при мне — никогда ни слова, ни звука, как будто это так все и должно было быть. Уменьше молчать при своих страданиях и нести их, не показывая другим

и не огорчая этим других, — та бесконечно высокая черта, которая всего более меня умиляла и умиляет. О себе, о своем горе — ни слова, ни звука!

Также вынесла мать молча и терпеливо на своих плечах катастрофу первого брака дочери²¹. Как только случалось большое горе, так первая мысль была всегда броситься к ней и у нее искать защиты и помощи. Если перебрать случаи, когда она своим ласковым словом успевала загладить обиды, нанесенные прорвавшейся несдержанностью Дедушки, смягчить укол, утешить, привлечь обратно, то надо сказать правду, что, вероятно, часть сотрудников успела удержать именно она.

Другое. Пасха в Москве в студенческой комнатке. Еще не успевшим отвыкнуть от дома мальчикам тошно и скучно на чужой стороне. Но материнское сердце чувствует это. Под самую пасху приходит полупудовая посылка, в которой есть все, вплоть до подлинной сливочной пасхи в глиняной песочнице. Нет той формы заботы, нет того труда, на которые не пошло бы материнское сердце, чующее горе, заботу или тоску своих детей. Что говорить о том, что при каждом удобном случае, урывая у себя самое нужное, она спешила дать детям то на дорогу, то к какому-либо семейному событию все, что могла — последние 10, 5, а то и 3 рубля.

Свадьба старшего сына*. Отец и мать приехали в Москву, чтобы благословить под венец своего первенца и порадоваться на его выбор.

Крестины внука**.

Вся жизнь перевита этими то нежными, то тревожными нитями любви и привязанности матери, за которые нет и не может быть никакой награды и отплаты.

«Для детей мама рубашку с себя снимет», — повторяет о ней Дедушка.

Осень и зима жизни

* Т. е. А. И. Яковлева — автора воспоминаний

** Т. е. Ивана Алексеевича Яковлева. Его крестил дед И. Я. Яковлев

Одряхлевший Дедушка потерял память и постепенно теряет разум. Мать несет около него свою последнюю тяжелую службу в течение 5 лет, когда приходится быть непрерывно то сиделкой, то санитаром. Так прошла эта жизнь в подвиге самоотвержения.

В течение 3 десятков лет мать была учительницей женского училища, и несколько десятков поколений учениц обязаны ей тем, что им привиты привычки к порядку, чистоте, аккуратности, и они обучены прекрасной учительницей русскому языку. Здравый смысл, быстрота, находчивость и меткость в ответе, и прекрасный дар слова — таковы те дарования, которыми природа наделила ее.

Как Ильминские подобрали детей Бобровниковых. Судьба Алексея Александровича и Наталии Моисеевны — трагедия ранней гибели.

А вот посылка из Казани: в ней для Лели целый костюм от бабушки^{***}, и в один из кармашков заботливой рукой вложен «неразменный» двугривенный, повторяющийся при каждой посылке. Красота любви, самопожертвования, заботы о других и бескорыстного служения — все это было без меры и счета вложено в нашу семью Ильминскими.

Николай Иванович^{****} на Б. Ключе у Алексея Александровича^{*****}. Мальчик Александр Алексеевич^{*****} ходит без шапки под дождем и приговаривает: «Видно, что не родная мать» (Об этом со смехом рассказывала Екатерина Степановна)²². И, как закон природы, никогда адекватной отплаты от следующего поколения: всегда с удержаниями и вычетами, скупой и скаречно. Почти что так и здесь. Радость при моих приездах, проводы на пристань^{*}.

Обычным эпилогом выпуска учениц был брак 2—3 из них с воспитанниками школы, одновременно кончавшими курс. Иван Яковлевич и

^{***} Дети Ивана Яковлевича и Екатерины Алексеевны Яковлевых звали Екатерину Степановну Ильминскую (воспитательницу Е. А. Яковлевой) бабушкой.

^{****} Николай Иванович Ильминский

^{*****} У Алексея Александровича Бобровникова

^{*****} Сын А. А. Бобровникова

^{*} Т. е. радость Е. С. Ильминской и проводы ею.

Екатерина Алексеевна обязательно принимали участие в благословении, а наиболее бедной невесте устраивали скромное приданое: самовар, посуду, подвенечное платье. Да и народ из бедных крестьянских семей был невзыскательный и не требовал многого.

Эти отношения имели сердечно семейный характер. Эти сердечные отношения, завязавшиеся в молодости, обычно сохранились обеими сторонами в течение долгих лет, и Екатерина Алексеевна и Иван Яковлевич оставались для своих бывших воспитанников друзьями и наставниками на всю жизнь.

В последние годы стали особенно удаваться школьные вечера — со сценой, изображением басен в лицах, отдельных сцен, с монологами, хорами и оркестром. Иван Яковлевич был обязательным, конечно, посетителем, просиживавшим весь вечер. После конца официальной части начиналась неофициальная часть — танцы и беседы молодых людей.

Каждое 18 декабря — традиционно справлялся день рождения старшего сына, хотя его, конечно, налицо не было, но друзья уже знали, что в этот день Екатерина Алексеевна их ждет, и стол для них накрыт.

(Продолжение будет опубликовано в следующих выпусках сборника).

¹ М. И. Владиславлев (1840—1890) — русский философ, логик и психолог. Профессор, затем ректор Петербургского университета. Автор учебника «Логика» (1-е издание — в 1872 г., 2-е изд. — в 1881 г.). По своим взглядам идеалист. В философских трудах выступал с позиций идеализма И. Канта как ярый противник русского материализма.

² По-видимому, Троицкие и Смоленские, с которыми Яковлевы находились в большой дружбе.

³ Имеется в виду упразднение в 1903 г. должности инспектора чувашских школ, которую с 1875 г. занимал И. Я. Яковлев.

⁴ В. Н. Поливанов — предводитель дворянства Симбирской губернии. Знаток искусства и старины, любитель собирать редкие вещи. В упомянутый период состоял председателем Симбирской ученой архивной комиссии.

⁵ Т. е. про семью профессора математики Казанского университета И. С. Громеко, за которого была замужем А. А. Глазова — близкий друг Яковлевых. После смерти мужа А. А. Громеко с семьей переехала жить в Москву. Все время Яковлевы поддерживали с нею тесную связь.

⁶ В. О. Ключевский. (1841—1911) — русский историк один из крупнейших представителей русской буржуазно-либеральной историографии, профессор Московского университета, член партии кадетов. Защитник монархии, сторонник правого крыла земских либералов, рупор буржуазного либерализма в исторической науке. В. О. Ключевский представлял ход исторического развития как мирный процесс, в котором прогресс осуществляется путем постепенных государственных реформ. Он отрицательно относился к поворотным событиям исторического развития.

⁷ Это не портфель, а висячий на стене бювар, украшенный вышивкой, сделанной Е. А. Яковлевой в подарок мужу — И. Я. Яковлеву в 1883 г. (приблизительно). Вышивка изображает двух бегущих собак (желтую и черную). Кроме того, бювар украшен помещенным в овале портретом Алексея Ивановича Яковлева (род. в декабре 1878 г.) — лет 4-х с половиной и Лидии Ивановны Яковлевой (по мужу Некрасовой, род. в декабре 1881 г.) — около 1—1/2 года. Этот бювар подарен нами (Яковлевыми) несколько лет тому назад Чувашскому краеведческому музею (*О. А. Яковлева*).

⁸ А. И. Яковлев имеет здесь в виду знаменитое в Поволжье цветение весной фруктовых садов на склоне той высокой горы, которая опускается от г. Симбирска (Ульяновска) к реке Волге. Это цветение было необычно красивым зрелищем. Гора бывала белоснежной и розовой (*О. А. Яковлева*).

⁹ Вероятно, подразумевается покупка на барках точеной деревянной посуды, которая употреблялась в Чувашской учительской школе (напр.,

больших чашек). Она выделялась поволжскими кустарями (*О. А. Яковлева*).

¹⁰ А. И. Баратынский — священник, председатель Буинского училищного совета. Осуществлял надзор за Бурундукским училищем, где учился И. Я. Яковлев.

¹¹ Теньки — село в юго-восточной части Свияжского уезда Казанской губернии, на правом берегу Волги (*О. А. Яковлева*).

¹² Бурундуки — село Буинского уезда Симбирской губернии. В 1856—1860 гг. И. Я. Яковлев обучался в Бурундукском начальном училище, а не в землемерной школе, как пишет А. И. Яковлев.

¹³ Л. А. Кассо (1865—1914) — министр народного просвещения царского правительства в 1910—1914 гг., ярый реакционер и мракобес. Осуществлял столыпинскую черносотенно-погромную политику в учебных заведениях. Л. А. Кассо применял жестокие репрессии по отношению к революционному студенчеству и прогрессивной профессуре, совместно с царской охранкой боролся с революционно настроенными учащимися и беспощадно преследовал передовых учителей. В период правления Л. А. Кассо И. Я. Яковлев подвергался гонениям со стороны Казанского учебного округа.

¹⁴ П. Н. Игнатъев (1870—1926) — министр народного просвещения царского правительства в 1915—1916 гг., выразитель требований промышленной и финансовой русской буржуазии в организации школьного дела. Его назначение на пост министра было вынужденной уступкой царизма либерализму и имело целью создать видимость осуждения открыто реакционной политики Л. А. Кассо в области просвещения. При П. Н. Игнатъеве Симбирской Чувашской школе со стороны Министерства просвещения была оказана некоторая помощь.

¹⁵ Г. Ф. Федоров (Алюнов) — воспитанник Симбирской чувашской школы, впоследствии известный чувашский националист, правый эсер. В 1906 г. он вместе с Д. П. Петровым-Юманом выступил с пасквилями против И. Я. Яковлева в ряде симбирских газет, обвиняя его в предательстве

интересов чувашского народа. После Февральской революции Г. Ф. Алюнов принимал активное участие в организации контрреволюционного «Чувашского национального общества» и его филиалов. В мае 1917 г. Казанским губернским комитетом выдвинут на должность помощника губкомиссара Временного правительства. Депутат Учредительного собрания. После Октябрьской революции вел яростную борьбу против Советской власти. В период вторжения белочехов в Поволжье (летом 1918 г.) — помощник особоуполномоченного белогвардейско-эсеровской самарской «Учредилки» (Комуча). После освобождения Казани от белочехов Г. Ф. Алюнов арестован за контрреволюционную деятельность. Умер в Казанской тюрьме в 1918 г.

¹⁶ А. И. Яковлевым допущена некоторая неточность: первая забастовка учащихся I класса Симбирской чувашской школы состоялась в январе, вторая — в марте 1907 г., после которой весь класс был распущен.

¹⁷ Хор чувашской школы выступил в зале Симбирского дворянского собрания 19 января 1909 г.

¹⁸ Князь И. М. Оболенский — предводитель дворянства Симбирской губернии, предшественник В. Н. Поливанова.

¹⁹ Из-за ограниченности своего мировоззрения, обусловленной исторической эпохой, И. Я. Яковлев не сумел подняться до уровня марксистского понимания общества. Его мировоззрению были чужды идеи социальных революций. Являясь сторонником духовного слияния инородцев с русским народом, И. Я. Яковлев вслед за Н. И. Ильминским большое место отводил усвоению нерусскими народами, в частности чувашами, православного учения, ошибочно полагая, что основой сознания русского народа являлась христианская идеология. Эта негативная сторона в деятельности И. Я. Яковлева проявилась наряду с приобщением учащихся Симбирской чувашской школы к знаниям и культуре в стремлении их религиозно-нравственного воспитания, а также в переводе на чувашский язык и издании религиозной литературы, в частности, части Библии на

средства Английского библейского общества. И. Я. Яковлев не избавился от обоих ошибочных взглядов и после Октябрьской революции.

²⁰ В 1898 г. А. И. Яковлев за участие в студенческом революционном движении был исключен из Московского университета и выслан в Симбирск (*О. А. Яковлева*).

²¹ Речь идет о первом браке Л. И. Яковлевой с Д. Иловайским. Второй раз Л. И. Яковлева в 1904 г. вышла за А. Д. Некрасова (*О. А. Яковлева*).

²² Мальчик Александр Бобровников, сирота, неблагодарно и несправедливо упрекал Е. С. Ильминскую в том, что она обращается с ним плохо — не так, как обращалась бы с ним его умершая родная мама. Это я слышала от А. И. Яковлева (*О. А. Яковлева*).

Яковлев, А. И. Воспоминания об отце / А. И. Яковлев // История и культура Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 1. - С. 437-470.